

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЭПОСЕ

А.А. Туаллагов

Особое место в научном изучении материалов осетинского Нартовского эпоса занимает проблема отражения в них некоторых исторических реалий. Иногда они оказываются зафиксированы только в отдельных названиях. Такие названия могут иметь и ограниченную встречаемость в самом эпосе. Соответствующим образом служат, например, два сказания, в которых представлен некий персонаж, обозначаемый как правитель Схуали или Схуали-уэйыг. Оба сказания записаны в Южной Осетии. По мнению исследователей, название эпического персонажа может быть связано с названием исторического Хорезма. Таким образом, сам персонаж выступает под именем «хорезмиец», формирование которого соответствует образцам осетинской лексики. В случае принятия такого решения вполне допустимо, что эпические герои достигали в своих странствованиях земли к северу от Каспийского моря. В пользу такого решения могли бы, по мнению других исследователей, свидетельствовать данные средневековых русских источников, а также некоторые тюркские реликты, представленные в сказаниях. Предложенное для решения направление представляется вполне обоснованным. По мнению автора статьи, оно дает определенные возможности к его дальнейшему развитию за счет привлечения данных иных письменных источников. Византийские источники позволяют сопоставить атрибуцию персонажа осетинских нартовских сказаний с одним из названий поселений раннего средневековья. Данное поселение могло располагаться в северной части Прикаспия, возможно, в районе дельты Волги. Исторически его следует связать с периодом существования Хазарского каганата и с его тюркским населением.

Ключевые слова: Нартовский эпос, сказания, история, письменные источники, хазары, аланы, Северный Кавказ.

A special place in the scientific study of the materials of Ossetian Nart sagas belongs to the problem of reflecting certain historical realities in them. Sometimes this may be limited to separate names. Such names can, in their turn, have limited occurrence in the epic. Two sagas may illustrate this thesis, where a character, referred to as the ruler of Skhuali or Skhuali-wajyg, is represented. Both sagas were recorded in South Ossetia. According to the opinion of the researchers, the name of the epic character may be associated with the name of historical Khorezm. Thus, the character is performing his deeds under the name «Khorezmian», which corresponds to the word-formation patterns in Ossetian. This may be a sign, that epic heroes in their wanderings reached the lands north of the Caspian Sea. Such assumption would, in the opinion of other researchers, may be substantiated by the data of medieval Russian sources, as well as by some Turkish relics found in the sagas. There are grounds for such approach. According to the opinion of the author of the article, it provides some opportunities for its further development by attracting data from other written sources. Byzantine sources enable us to compare the nickname of the character of the Ossetian Nart' sagas with the placenames of the settlement of the early middle ages. This settlement could be located in the northern part of the Caspian Sea, possibly in the region of the Volga Delta. Historically, it should be associated with the period of the existence of the Khazar Khaganate and its Turkic population.

Keywords: Nart Epos, sagas, history, narrative sources, Khazars, Alans, North Caucasus.

Научное изучение материалов осетинского Нартовского эпоса продолжается уже более 100 лет. Особое место в данном процессе принадлежит проблеме отражения в них некоторых исторических реалий. Различные исследователи неоднократно отмечали весьма широкую географию эпических сказаний осетин. Их герои нередко оказываются на землях, которые в реальной географии связываются, например, с Северным Причерноморьем и Крымом, Доном и Кубанью, Волгой и т.д. Эпические сказания сохраняют для нас отголоски некоторых сведений и о северных и восточных пространствах древности и средневековья. Свое место в сказаниях занимает и южное направление, в котором можно обнаружить даже упоминания Египта и его правителей.

Соответственно, осетинские эпические материалы сохраняют и многие сведения о различных народах прошлого, которые соседствовали с предками осетин или были отделены от них достаточно большими расстояниями. В совокупности известные исследователям материалы позволяют определять и те пространства, на которых происходило само изначальное формирование Нартовского эпоса осетин. Со временем, в связи с передвижениями своих носителей эпические сказания «окавказивались», продолжая и историческую линию развития уже с позиций обретения кавказского региона. Постепенно эпические сказания проникали и к новым соседям.

Адаптационный характер таких сказаний, например, к востоку от нынешнего расселения осетин, кроме всего прочего, виден по географически ограниченному, локальному характеру отраженных в них представлений. Данное положение весьма показательно, если, например, сопоставить его с известной из исторических источников и из археологических материалов географией расселения и действий представителей того же аланского мира.

Порой в общей эпической картине

этногеографии осетин «исторические реликты» оказываются зафиксированы лишь в некоторых названиях, имеющих еще и ограниченную встречаемость в самом эпосе. Образцом тому могут служить, например, два сказания, в которых представлен некий персонаж, обозначаемый как *Схуалийы маеликк* [1, 167-168] или *Схуали-уаёйыг* (*Схуалийы уаёйыг*) [2, 327-332]. Оба сказания записаны в Южной Осетии.

Согласно первому сказанию, в один из тяжелых годов нарту Уырызмагу выпало по жребию гнать скот в необычайно плодородные земли малика Схуали. Поскольку нарт был уже стар для такого дела, то вместо него под видом работника Уырызмага стада погнала его супруга Сатана. Вскоре ей удалось обмануть малика и выведать способ его уничтожения. При помощи Уырызмага правитель был убит. Согласно второму сказанию, великан Схуали убил на холме Уарыпп нарта Бцега из рода Бората. Его сын Сидамон вместе с нартами добрался на восьмой день до степи Кырмыз, где некогда бились Бцег и Схуали, а теперь выпасали скот Схуали. С помощью Ацамаза Сидамон выведаль у жены великана, жившей в селе-городе, секрет его гибели, чем и воспользовался, свершив месть за смерть отца.

В последнем полном издании нартовских осетинских сказаний владения персонажа — *Схуалийы баэстæ* — определяются комментаторами как неизвестная эпическая страна [1, 539]. Вместе с тем, оригинальная попытка решения в отношении названного образа врага нартов была уже давно предпринята. Г. Бейли обратил внимание на название Каспийского моря в русской традиции — Хвалисиское (Хвалийское, Хвалмское) море. Оно имеет параллели в византийском названии — *Χωαλίται, Χωλιатаί*. Данные названия связываются с названием Хорезма, которое и отражено в осетинском эпическом Схуали — «хорезмиец». Оно развилось из *xwalis* в результате утраты конечного *-š*, примеры чему представлены в осетинских

лексемах. В случае справедливости предложенного решения ученый полагал, что эпические герои достигали в своих странствованиях земли к северу от Каспийского моря [3, 32-33].

Решение исследователи было поддержано Ю. А. Дзиццойты, отметившего и фонетические трудности в лице наращения начального *s*. Исследователь обратил внимание на решение В. И. Абаева, что русское название Каспийского моря, действительно, было связано с названием Хорезма, но попало в русский язык через «скифское (сарматское, аланское) посредничество», в пользу которого свидетельствует переход *l < r* за счет следующего за *r* гласного *i* (*y*) в названии *Xvarizm*. В пользу такого решения было добавлено упоминание в одном из нартовских сказаний названия Хъырмызы быдыр — «Кыргыз степь».

Оно, несомненно, имеет тюркское происхождение и означает «Красная степь», что, в свою очередь, соотносится с названием Кызыл-Кум — «Красные пески», пустыни к востоку от Аму-Дарьи. К западу от нее находилась другая пустыня Кара-Кум — «Черные пески». Названия этих топонимов семантически соотносятся и с древнеиранским названием Хорезма — «Темная (красная или черная) земля». Учитывая заимствование осет. хъырмыз из тюркских языков, исследователь допускает возможность очень ранних контактов между сарматами и тюркскими племенами, т.к. иначе трудно объяснить семантическую соотнесенность иранского «Хорезм» и заимствованного осет. хъырмыз [4, 180-182].

Предложенное исследователями направление представляется вполне обоснованным и продуктивным. Оно же дает некоторые возможности к его дальнейшему развитию за счет привлечения некоторых иных исторических сведений. В 1891 г. С. de Boog опубликовал манускрипт XIV в. из собрания Парижской библиотеки, относящийся к серии документов, извест-

ных под названием *Notitiae Episcopatum*. Публикация данного источника и последующее обращение к его анализу автора находки привлекли пристальное внимание, прежде всего, отечественных специалистов, т.к. они напрямую касались истории юга нашей страны.

В опубликованном документе, в списке епархий Константинопольского престола, на 37 месте в ранге митрополии представлена Готская епархия с резиденцией в Доросе, т.е. в Крыму. В последующем списке епископских кафедр, входящих в состав митрополий, Готская епархия стоит на 38 месте. В ее состав входит 7 епископских кафедр, которые располагались от Крыма до Волги, что пояснялось в самом документе. По мнению исследователей, сведения относятся к VIII в. [5, 176-178, 193; 6, 97, 102-103, 104]. Три первых из них носят названия по именам народов — хоциры, оногуры, унны. Приведение названий в родительном падеже логично объясняется тем, что его носители были миссионерами в среде указанных народов. Оногурам отводится бассейн Кубани и степи к северу от нее, восточный берег Азовского моря до Дона, уннам — Керченский полуостров или земли к северу от Азовского моря и на запад от Дона, хоцирам — Крым, дополнительным ориентиром чему служат р. Карасу и поселение Фуллы [5, 188-193; 6, 100].

Четыре остальных епископства — названия населенных пунктов. Первое из них — Ὁ Ἀστήλ, несомненно, согласно самому же документу, связано с тюркским названием Волги. Оно, по сведениям арабских авторов, служило и названием располагавшейся на реке столицы хазаров [5, 182; 6, 98]. Ὁ Τυμάταρχα, бесспорно, является византийской Таматархой, русской Тмутараканью, т.е. Тамань. Ὁ Ῥετέυ не поддается надежной идентификации, если не считать предложения исправления на Ὁ Τερέυ как тюркского названия Терека и сопоставления с городом Тарку-Тарки на

западном побережье Каспийского моря, который неоднократно упоминается в VIII в. в связи с арабо-хазарскими войнами, а затем исчезает из источников [6, 100, 102-103].

В нашем случае особое внимание привлекает название епископства *ᾠ Χουάλης*, образованное от названия поселения *Χουάλη*. Ю. Кулаковский указал на созвучие *Χουάλη* с русским названием Каспия — Хвалиское море, встречающееся в русских летописях, которое все еще сохранялось и в русских песнях — Хвалыньское. В летописях на Волге упоминались и хвалисы как определенный народ, которому приписывалось и определенное библейское происхождение. Учитывая известный по летописям путь из Руси по Волге в Болгары и Хвалисы, ученый полагал естественными предположения о заимствовании русскими его названия при первом знакомстве с морем и о расположении города на берегу моря. Поскольку русские могли достигать моря по течению Волги в конце IX и начале X вв., о чем свидетельствовал Табари, повествуя о набегах русских на Бердаа и их прибрежных грабежах, то естественно также предположить, что город находился где-то в устьях Волги [5, 186].

С указанными сопоставлениями оказываются связаны и иные наблюдения других исследователей. В. Г. Василевский полагал, что хвалисы вынуждены были мигрировать на запад после разгрома русскими Волжской Булгарии. Их ученый видел в халисах (*Χαλίσιοι*), которые выступили в союзе с венграми в 1150 г. против византийского императора Мануила, по сообщению Иоанна Киннама. С 970-го г. они под именем кализов (*Caliz*) неоднократно упоминались в самих венгерских источниках. Обращалось внимание, что Киннам то называет их подвластными законам Моисея, хоть и искаженным, что ведет к их сопоставлению с караимами, то считает их исповедующими ислам [7, 58-59].

Взаимосвязь между сведениями о хва-

лисах, халисах и Хвалыньском море признавалась и другими учеными, которые отмечали мнение о возможном хазарском происхождении халисов, некогда переселившихся в Венгрию [6, 99-100]. В целом, халисов связывали с предками караимов, с хвалисами и Хвалиским морем, хазарами из племени квалиси, тюрками, иудеями-хазарами [8, 114, сн. 95]. Исследователи отождествляли хвалисов с Хорезмом [9, 217] или хазарами, но не отрицали, что иногда «Хвалиское море» могло означать, кроме Хазарского, Хорезмийское море [10, 158-159].

Отождествление с Хорезмом касалось и непосредственно сведений *Notitiae Episcopatum* об *Χουάλη* в «хазаро-аланском произношении». Данное решение аргументируется некоторыми сведениями о подчинении Хорезма Хазарии. Далее следует отождествление хорезмийцев с каварами европейских источников, которые ушли в Европу из-за гражданской войны в Хазарии. Их название рассматривается как западнохазарское произношение самоназвания хвар, ховар. В аланском произношении — хвал, ховал, хал — оно легло в основу названия халисиев Венгрии [11, 87-108].

Здесь не стоит касаться достаточно спорных авторских отождествлений Хорезма с Кангюем и специфических представлений о происхождении аланов. Отсылка к аланскому произношению могла бы касаться указанного выше названия Хвалиского моря, что диктуется определенными условиями. Для приводимых же автором форм данные изменения остаются без аргументации. Собственно, полагаемые связи просто переносят сведения средневековых русских источников о хвалисах в районе Волги на Хорезм. Вполне закономерны и другие высказывавшиеся возражения против приведенных трактовок [12, 284-286].

Возвращаясь непосредственно к материалам Нартовского эпоса осетин, видимо, следует учитывать некоторые момен-

ты. Допущение очень ранних контактов сарматов с тюркскими племенами, что может объяснить семантическую соотнесенность иранского «Хорезм» и заимствованного из тюркских языков осет. хъырмыз, обнаруживаемого и в названии пахотных полей у с. Заманкул — *Хъырмыз* [4, 182], представляется несколько ограниченным.

Связи, порой очень тесные, ираноязычных аланов с различными тюркоязычными народами достаточно надежно устанавливаются и в раннесредневековый период, не только в Европе и на Северном Кавказе, но и в Средней Азии. Здесь также происходила известная тюркизация местного ираноязычного населения, сыгравшая заметную роль в формировании некоторых современных среднеазиатских народов. Видимо, исходя из некоторых фонетических наблюдений [13, 43, 573, 575, 614], есть определенные препятствия полагать раннее заимствование из тюркских языков, а семантическую соотнесенность с названием «Хорезм», возможно, следует решать на ином лексическом примере [14, 252].

Фигурирование в осетинском сказании степи Кырмыз, видимо, не следует прямо сопоставлять с Кызыл-Кум [4, 65-66, 182]. Эпическая степь не имеет отношения к пустыне, т.к. на ней пасется скот и растут деревья. Где-то здесь расположено и некое болото. Необычайная плодородность земель малика Схуали, действительно, производит впечатление южной страны. Но здесь должна учитываться и условность образов, зависящая от общей идеи плохого года в стране нартов и плодородности дальней земли с позиций ее использования скотоводами. Более вероятно, что в названии степи звучит отголосок определения владеющего ею населения — турки.

Конечно, условность эпических представлений позволяет нартам за восемь дней достигнуть Хорезма из Куртатинского ущелья (Северная Осетия), с которым может быть связано место сбора нартов — *Лахъæндон* [1, 545; 2, 504]. Но, скорее, речь могла бы идти о некоем географиче-

ском пространстве, непосредственно простирающемся от северокавказской части страны нартов до владений малика Схуали, что сложно соотносить с месторасположением Хорезма. Конечно, образ холма Уарыпп несколько условен для эпоса в плане его месторасположения. Но общая картина такого месторасположения делает исключительной его связь со степью Кырмыз. Более логично вновь представлять некое географическое пространство, например, от Кубани.

В конечном итоге, подобные степные пространства могли тянуться на Северном Кавказе вдоль каспийского побережья по Прикаспийской низменности, где можно обнаружить схожие с эпическими природно-климатические условия. Калмыцкие степи тянутся вплоть до Волги. Далее, между рр. Волга и Урал, лежат Рын-пески (Нарын-Кум), издавна также служившие местом выпаса скота у тюркоязычных народов. Прежде они вполне могли использоваться как пастбища и различными сарматскими группировками в процессе сезонного кочевания. В пользу такого положения свидетельствует обход к северу сарматских погребальных памятников данных территорий.

Все это пространство, с неглубоким залеганием подземных вод, покрыто песчаными всхолмлениями, одновременно покрываясь травянистыми растениями, кустарниками и деревьями, включая урочища, например, Кызыл-Чагил (Кызыл-Чалы). Здесь располагается известная гора Богдо и соляное озеро Баскунчак, известные карстовые пещеры. Остается вспомнить о ямах в земле, которые остались после ударов бившихся Бцега и Схуали-уаига, о пещере в горе, в которой застрял Бцег, заброшенный туда Схуали-уаигом.

Видимо, следует обратить внимание, что определение врага нартов *маликк* связано с известным арабским титулом. Прилагаемое к самим нартам определение *аллон-биллон* [2, 330], несомненно, ведет нас

к истории аланов. Конечно, совмещение данных наблюдений может найти возражение за счет указания на использование данных терминов как «общего места» для осетинского эпоса. Но, если допустить возможность такого совмещения, то эпический материал может служить отголоском неких событий истории раннего средневековья, которые происходили не ранее появления на Кавказе арабов и были связаны с аланами того времени, а не с более ранними сарматами.

Если мы пойдем по данному направлению, то где-то именно в районе низовий Волги обнаружим не только народ хвалисов, но и, возможно, поселение Χουάλη, в котором также может быть представлен аланский переход $l < r$ (у) и отпадение, что особенно примечательно, конечного -š. Интересно, что мы имеем дело именно со средневековым поселением, где смогла расположиться епископская кафедра, а в эпическом сказании особо определяется поселенческий характер местопребывания Схуали-уаига как «города-село» — калак хъау.

Вполне вероятно, что земли, примыкающие к северо-западному и северному побережью Каспийского моря, не были чужды для истории одних из создателей Нартовского эпоса осетин. В данном случае даже не будем опускать хронологическую планку до истории сарматского объединения верхних аорсов, некогда успешно занимавшегося здесь, например, и международными торговыми операциями. Если оставаться на предполагаемых выше позициях, то речь может идти и о собственно аланской истории.

Исследователи обратили внимание на народ базилов армянских средневековых источников, представлявших одну из частей ираноязычного аланского мира, что следует, в частности, из замены у Мовсеса Хоренаци аланов базами. В данной связи указывается на сведения «Хронографии» Феофана о том, что хазары являлись выходцами из Берсилии, которая была са-

мой дальней страной в Первой Сарматии. У Анания Ширакаци барсилы скрывались на острове от хазаров, а жена хазарского кагана, видимо, старшая, происходила из народа барсилов.

Михаил Сириец прямо указывал, что Барсалия являлась страной аланов. Остров барсилов назывался Черный, якобы, от множества народа и скота на нем. Его располагали в дельте Волги. Другие исследователи отождествляют его с междуречьем Кумы и Волги или более узко — Восточного Маныча и Волги. Данный район Калмыкии носит название «Черные земли». В X в. эти земли являлись доменом хазарского правителя и служили богатыми весенними пастбищами. Сведения об указанных землях, судя по всему, сохранились в нартовских сказаниях и других народов [15, 61-68; 12, 128, 130, 132, 398; 4, 120-121].

Давние научные исследования, основанные на споро-пыльцовом анализе погребенных почв, показали, что «Черные земли» и степи Прикаспийской низменности даже в ныне пустынных районах были весьма благоприятными для скотоводства вплоть до XIV-XV вв. В отношении аланов делались логичные выводы, что они не могли свободно использовать данные земли вплоть до разгрома Хазарии в 965 г. Допуск аланов на прикаспийские земли мог происходить только в условиях мирных отношений с хазарами. Однако отношения не всегда были такими.

Дальнейшее свободное использование аланами богатых пастбищных земель также не могло продолжаться более 100 лет, т.к. около середины XI в. в степях Предкавказья появились половцы. Полагалось, что к XII в. аланы утратили контроль над данными землями. Но чисто гипотетически допускалось, что по мере нормализации алано-половецких отношений прикаспийские пастбища вновь стали доступны аланам [16, 77].

В данном случае для нас неважны точные даты в развитии тех или иных собы-

тий, их конкретные трактовки. Вполне приемлемой представляется общая картина условий эксплуатации аланами прикаспийских земель вплоть до их северной части, включающей Волго-Каспийский регион, при сравнении с интересующей нас эпической картиной. Прикаспийские равнины были весьма богаты и плодородны с позиций скотоводческого населения. Но их использование аланами могло неоднократно наталкиваться на противодействие со стороны различного тюркского населения. При ориентировании на историческое Ховáл̄ в основу сказаний легли алано-тюрские отношения в прикаспийском регионе, возникшие не позднее существования Хазарского каганата.

Конечно, не стоит забывать и о наличии в Хазарии иного ираноязычного населения. Так, ал-Масуди сообщал о приходе в Хазарию вскоре после возникновения ислама из окрестностей Хорезма мусульман al-Arsīyah. Они ушли с родины в результате разразившегося там голода и составили в Хазарии элитное царское войско. Согласно ал-Бируни, аланы или асы, проживавшие прежде между Хорезмом и Гурганом, по нижнему течению Аму-Дарьи («на бывших землях печенегов»), из-за изменения русла реки вынуждены были вме-

сте с печенегами переселиться на побережье Хазарского моря, т.е. Каспия. Их язык представлял собой смесь хорезмийского и печенежского языков, что свидетельствует о тесных контактах этих аланов с печенегами или о процессе их тюркизации.

Как мы знаем, поселение Ховáл̄ существовало уже в VIII в. В этот период могли начинаться и непосредственные контакты аланов со славянским населением в районе Северского Донца, куда аланы, как полагают многие исследователи, были переселены с Северного Кавказа в рамках политики Хазарского каганата. В X в. заметная часть потомков этих аланов вернулась на родину предков. В первой половине X в. нарастает противостояние аланов с хазарами. Что касается русов, то прикаспийская зона вошла в сферу их интересов с IX в., а к X в. их колония уже располагалась в Итиле. В начале X в. русы совершают грабительские набеги в отдельные прикаспийские земли. В 943 г. аланы и хазары оказывают активное содействие русам, прошедшим по Дону и Волге в Каспий, в их закавказском походе на Бердаа. В 965 г. тюрки-огузы наносят тяжелый удар по Хазарии, чей разгром завершает киевский князь Святослав, нанеший также поражение аланам (ясам) и касогам.

-
1. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2003. Ч. 1. (на осет. яз.)
 2. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. 4. (на осет. яз.)
 3. Bailey H. W. Ossetic (Nartæ) // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mithology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1-2. P. 7-40.
 4. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
 5. Кулаковский Ю. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1898. Февраль. Ч. CCCXV. С. 173-202.

6. *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea // Monograph of the Mediaeval Academy of America. Cambridge, 1936. № 11.
7. *Васильевский В. Г.* Труды. Л., 1930. Т. 4.
8. *Бибииков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998.
9. *Лихачев Д. С.* Комментарии // Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Ч. 2. Приложение. С. 203-484.
10. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.
11. *Толстов С. П.* Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан начала XI века // Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР. М., 1946. № 2. С. 87-108.
12. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
13. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
14. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
15. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
16. *Кузнецов В. А.* Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1941.